

Третьяков Сергей Михайлович

Детство Ден Ши-хуа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович Т.**
Детство Ден Ши-хуа / Третьяков Сергей Михайлович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2025. – 233 с.

ISBN 978-5-519-77413-0

ISBN 978-5-519-77413-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

для их могил, чтобы около них росли хорошие цветы, чтобы тела их не съела подпочвенная сырость, чтобы красивые виды окружали то место, откуда по буддийским повериям душа начнет свои бесконечные посмертные перевоплощения. Фын-шуэй — деревенский гадалщик и астролог.

Сквозь обсады дерев глаз не пропикает до стен и ворот. Зелены густые сады и чист воздух в нашем Сычуане.

В первом большом дворе среди деревьев огромный каменный бассейн полутора аршин высоты. В нем копится дождевая вода и живут золотые с коричневым и серебряные с фиолетовым рыбешки. Из этого бассейна поливается зелень, растущая внутри домовых стен. Вдоль стены лепятся деревья мускатного ореха. Он очень дорог. Чтобы его не покрали, он посажен под прикрытием основной домовой стены. Три двора-террасами рассечен дом и замкнут поверху огородной террасой. Лестницы ведут со двора во двор сквозь стены, а между вторым и третьим двором помещается проходная, где принимают гостей. За гостиной — последний двор, а за двором — ряд главных комнат. Посредине зал — литан, рядом с залом — комната деда, начальника рода и дома, а по другую сторону живет его брат. За верхнюю стеною дома — огород, обсаженный деревьями и окаймленный полукруглой живой бамбуковой изгородью. Он переходит в фруктовый сад. Там тутовые деревья, гранаты, абрикосы, апельсины, персики, каштаны, мандарины, приносящие в среднем до пятисот оранжевых шаров на деревцо, орехи. Сад и огород вокруг дома вместе с самим домом занимает двадцать му земли. Это — полтора гектара. С этих полутора гектаров свободно живут семнадцать человек, населяющих дом. Огород богат, как музей. Различные кочны сычуанских капуст, среди которых главенствует зеленая. Ее соленую в бочках Сычуан сбывает вниз по Янцзы. Огурцы, редиска, редька, репа, сладкий картофель, горох, салат, кабачки. Эти зеленые кормильцы ежедневно переходят с гряд на наш обеденный стол. Только старшие едят ежедневно немного мяса, остальные получают мясной кусочек не чаще двух раз в месяц.

Поколения распределялись по горе сверху вниз. Старшие жили наверху, окруженные кладовыми и окружая собою ро-

довой алтарь. Дальше шли комнаты отца, дядей, гостиная и кухня, и наконец в самом низу помещалось третье поколение, комнаты для приезжающих гостей, дворницкая и большая классная комната, где учил деревенских ребятишек мой старший дядя. А рядом с комнатами дедов и отцов узкие — помесь коридорчика и кладовки — комнатенки слуг.

В молитвенном зале — литан — прямо против входной двери у стены стоит престол-киот, похожий на европейский буфет. Это — шень-кан. Он — черный и огромный. Хитрое резное дерево его выложено костью. По черному дереву его верхней половины дорожкой сверху вниз тянутся золотые иероглифы. Их пять: «Небо», «Земля», «Император», «Предок», «Учитель». Этот столбик иероглифов снизу подпирается шестым иероглифом, значение которого — «Престол». По обе стороны этой главной таблицы — тан-ли, похожей на запрестольные иконы ваших русских церквей, висят кипарисные дощечки в две ладони длиною. На этих дощечках начертаны имена предков ближайших трех поколений — деда, прадеда и прапрадеда. Более старые предки уже убраны отсюда в деревенский храм. Сверху вниз тянутся иероглифы имени, ученой степени и чина, при чем справа идет колонка иероглифов предка, а слева — его жены.

Внутри нижней части алтаря — шкаф. Там курительные палочки, масло для светильника, связки депежных слитков, клееных из фольги, сжигаемых в день поминовенья мертвых, и родовая книга — чу-пу. В ней имена, даты рождений, браков и смертей, дни получения ученых степеней и чинов и дни ухода из родных мест в чужие страны.

Каждый день утром и вечером кто-нибудь из маленьких Дэн — обычно этим делом занимаются внучата и сыновья — втыкает в пепел три палочки и зажигает их верхние концы желтым язычком пламени, день и ночь горящего у носика небольшого светильника, похожего на соусник. Когда в семье было достаточно денег, этот светильник горел в литане и день и ночь. Когда у Дэн не стало хватать денег на масло, они начали зажигать светильник только на ночь. Он из лампы стал ночником.

Палочки тлют, от них тянутся синие веселые нитки к та-

блицам, и белый пепел цилиндриками обваливается в курильницу.

Когда пепла в курильнице набирается с верхом, его ссыпают в реку под домом.

— Святой пепел в святую воду реки Янцзы, — приговаривает бабушка, передавая внуку тяжелую курильницу.

По бокам курильницы вазы с цветами и медная чаша. Эта чаша — гонг. В нее бьют палкой, и он кричит, созывая души предков на парадный обед к столу, поставленному посреди литана по праздникам, когда полатается поминать предков. Чаша воеет в дни рождения предков, в Новый год, в летний праздник повелителя воды — дракона, в праздник молодого риса, в праздник наступающей осени и в главный праздник — поминовения всех предков. На стол перед шкафом ставятся лучшие блюда — тут и мясо, и рыба, и молодые овощи.

Вот сейчас май, у вас в Москве холодно, над Чистыми прудами идет снег, а у нас в Сычуане хозяйки рвут с желтых гряд и кладут на столы свежие огурцы ¹.

Внучата (старшим некогда) аккуратно вырисовывают имена предков на квадратах бумаги и кладут эти визитные карточки мертвецов перед таблицами. Это значит, что предки пришли и сели за обеденный стол. Потом вся семья становится на колени и трижды кланяется главной таблице, сняв лоснящиеся ермолки и держа их обеими руками. А затем женщины уносят блюда в столовую, а дети собирают визитные карточки предков, выносят их и осторожно сжигают на каменных плитах двора, чтобы, неровен час, искра не попала на бумажную оклейку окон и не спалила бревенчатых стен дома.

Так начинается праздничный обед. Мы сами едим вместо духов, а алтарь стоит важный и безмолвный в полутемном литане. Растя в другой деревне, я редко видел это сооружение.

Мне было шесть лет, когда я проявил первое вольнодумство по отношению к этой священной машине.

¹ Книгу я писал, выпрашивая Дэп Ши-хуа подробно о его жизни. Мы с ним занимались в комнате над Чистыми Прудами в Москве. Май 1927 года был холодный и снежный. Вот откуда у Ши-хуа упоминание о Чистых Прудах.—С. Т.

Помню приезд к бабушке в Дэн Цзя-чжень. Я гляжу на цветы в вазах, они пахнут полями и берегами. Я говорю:

— Зачем предкам цветы?

— Почему ты это говоришь? — хмурится старший дядя.

— Так ведь они очень хорошо пахнут.

— Вот душам предков и приятно.

— А разве у душ есть носы, чтобы чувствовать запах?

— Как тебе не стыдно, Ши-хуа! — говорит дядя. — Дедушка на тебя смотрит.

Со стены литаиа глядит портрет деда, умершего в первые годы моей жизни. Как полагается всякому родоначальнику, в пятидесятилетний день рождения он заказал за двадцать даянов портрет художнику из Чунь-цзина.

Родоначальник должен оставить о себе память, пока смерть не пришла за ним. Дед — ученый второй степени — цзю-жень. Это — звание провинциального масштаба. У него вислые усы с проседью, расходящаяся кверху шапка маньчжурских времен и нагрудный мандаринский квадрат на халате, с вышитыми на нем шелковыми и золотыми птицами.

Впрочем дом в Дэн цзя-чжень помню плохо и отрывочно. Я бывал в нем наездами. Меня увезли в деревню Сиань-ши, когда мне было два года. По вашему счету мне тогда был только год. Мы, китайцы, считаем возраст не от рождения, а от зачатия.

Глава II

СТАРШИЙ ДЯДЯ

ШЕН-ШИ. — ДЯДИНЫ ЗВАНИЯ. — ЭКЗАМЕНЫ В КЛЕТКАХ. — ДОЛГий ТРАУР. — ОПЕКУРИЛЬЩИК. — ГДЕ ПАПА?

Отец в Японии в университете. Я его не знаю.

Близок и роден мне в дни моего раннего детства старший дядя, человек, который должен был стать гордостью рода и не стал им.

Ши — это правящее сословие старого Китая — ученые. Только выдержав экзамен и став ши, можно было надеть на

себя шен — форменный пояс чиновника, тугой обруч, выложенный камнями и зеркальцами.

Учепость соединялась с государственной должностью и приносимыми ею выгодами. Шен-ши — это именитые семьи, владеющие землей, посылающие своих детей учиться с тем, чтобы потом занять должность и на доходы от нее приумножить земельное владение.

Мы, Дэн, тоже шен-ши, только обедневшие. Шен были редки в нашем роду, оппозиционно настроенном по отношению к маньчжурской династии.

Задолго до моего рождения старший дядя, окончив среднюю школу, получил звание студента — тун-шань. Через три года в окружном городе (эти города узнают по приставке «фу», например Чифу) он выдержал экзамен на бакалавра — сю-цай. Прошло еще три года, и дядя поехал в Ченду, столицу Сычуана, чтобы держать экзамен на ученого второй степени — цзю-жень.

Он мне рассказывал, как это было. Экзаменующихся сажали в клетки. Это делалось для того, чтобы с внешней стороны обставить экзамены наиболее честно. Человек вносил с собою в клетку бумагу, кисточки, тушь и мозги, распухшие от потрясающего количества всосанных ими имен, строк, афоризмов, комментариев и дат. Экзамены были только письменные.

Существовало поверие, что если человек безнравственен или преступен, то в клетке он потеряет присутствие духа и срежется. Поэтому готовящийся к экзамену и идущий в клетку ученый должен был всячески следить за собою, чтобы не совершить греха, хотя бы величиною с булавочную головку. Даже шагал ученый по-особенному, осторожно, чтобы не раздавить жужелицы или муравья. Даже жестикулировать он должен был осторожно, плавно, дабы не повредить какое-либо из микроскопических существ, носящихся в воздухе. Так велел буддизм.

Если сдавший экзамен ученый не шел в чиновники и не пускал своего высокого звания в выгодный оборот — ему оставалось одно — учительство. Дэн редко шли в чиновники, но учителей в их роду было много. Отец и оба дяди не мало ча-

сов своей жизни положили на учительский стол, муштруя очередное поколение коротеньких и серьезных человечков в халатиках.

Дядя был очень способен. Его сочинение было признано блестящим, отпечатано на казенный счет и разослано родичам и ученым. Казалось, еще три года и он выйдет из экзаменационной клетки Пекина ученым первой степени — цзинь-ши, а там, кто знает, выдержит в императорском дворце экзамен на высшую ученую степень академика — хан-лин.

Но... в семье случился ряд смертей. Умер дядин дед. Дядя надел траурную белую одежду. Строгий траур длится три года, и в эти три года нельзя ни жепиться, ни держать экзаменов. Дядя терпеливо ждал. Траур приходил к концу, но умерла бабушка. Опять три года ожидания. За бабушкой дядя похоронил своего отца, мать и мачеху.

Пятнадцать лет траура под ряд выдержал он. А когда траур его кончился, оказалось, что за это время была отменена (1904) старая система экзаменов. А еще через немного лет суньятсеновцы свергли императорскую династию и отменили ученые степени. Никак не мог простить этого дядя новому Китаю в лице моего отца — революционера-суньятсеновца.

— Твой отец — изменник, — часто говорил он мне впоследствии сквозь пьяненькие следы, — из-за него я не смог получить ученых степеней.

Когда дядя трезв, он брющжит. Выпив за столом чайник горячего желтого вина, он делается веселым, остроумным и добродушным монархистом. Он спойл бы и меня, младенца, если бы не вмешательство бабушки. Помню, он окунул обеденную палочку — куай-цзы — в вино и дал мне обсосать. Мне не понравилось — горько. Кроме того он курит опий.

Я забираюсь к нему в комнату. Там стоит кровать — огромное сооружение с досчатыми потолками и полом, вдвигающееся в комнату, как внутренность фотографического аппарата в его оболочку. Между кроватным потолком и полом — столбики. К этим столбикам прикрепляется полог, задерживаемый на ночь. В изголовьи кровати на том же помосте стоит столик и рядом с ним ящик, заменяющий европейский комод. В теплые дни все это сооружение можно вытаскивать во двор и

спать на вольном воздухе. Не страшен даже дождь. Он стечет с досок над кроватью. В комнате кроватный потолок нужен для того, чтобы с бревен комнатного потолка не сыпалась на спящих разная нечисть, в роде сколопендр.

Дядя лезет в ящик и вынимает оттуда толстую бамбуковую опииную трубку, тяжелую от прикипевшего к ее стенкам опиинового дегтя, толстую как флейта.

Он достает банку с опиумом, не плохим, черным, как вакса, а прозрачным, желтоватым, густым как клей. Вынимает камень, иглу и лампочку. Лампочка особая, медная. Пламя ее закрыто стеклянным колпачком с маленьким отверстием наверху, в которое вытягивается от огня жаркая струйка. По середине трубки медное седло с отверстием, куда вставляется стеклянная полая луковица. Концом иглы дядя достает из банки каплю опия и нагревает ее над лампочкой. Опиий вскипает и пузырится белой пеной. Эту пену на полированном камне дядя скатывает в плотный шарик, прокалывает этот шарик иглоу, как бусинку, помещает эту бусинку в раструб стеклянной луковицы и ложится на кровать, держа выходное отверстие трубки у губ, а шарик все время подогревая над купольцем лампы. Вдыхая опииный чад, он рассказывает:

— В экзаменационной клетке я сидел три дня. Я взял с собою бамбуковую корзину с едой. Специальные сторожа обыскали меня и корзину. Они следили, чтобы в лепешках и огурцах не было запрятано заранее заготовленной статьи. Я должен был написать комментарий к поучениям Конфуция. Я выдержал экзамен с треском. Мое сочинение было отпечатано и разослано по всему округу знакомым, родственникам и товарищам по экзамену. Я не скажу тебе темы, ты мал и не поймешь ее, да и сам я, боюсь, забыл уже ее сложное заглавие.

Гнусный сладкий запах опиума затягивает комнату. Дядя уже рассказывает легенду. С нее перескакивает на стихотворную строфу. Под купольцем лампочки горит фитиль, плавающий в горчичном масле; оно дает безвкусное пламя, ценное курильщиками опия.

Потом дядя замолкает, лицо его синее, рот отваливается

от трубки. Иногда я пугаюсь и бужу его, но чаще убегаю из комнаты, одуренный вязким и тошным запахом.

Позже это изменилось. Умирая, дед запретил дяде курить опиум. Он повиновался. Но сила привычки так велика, что после обеда дядя уходит в свою комнату, вынимает из ящика и раскладывает около себя на кровати все принадлежности для опиекурения. Лежит около холодной трубки.

Но не курит.

Дядя в семье — старший. Но живет он отдельно от нас при школе, где учительствует. Он крепко любит меня, малыша. Я еще не слезаю с рук старших и только что научился говорить. Отец мой в далекой Японии студентом.

Помню праздник. На берегу реки возятся дети. Они теребят отцов за свежие полы халатов и выпрашивают игрушки или конфеты. Они пристают к отцам, и слово «баба» (так на простонародном китайском языке называют отца) многоголосо крутится над берегом. Я спрашиваю дядю:

— Дядя, а разве у меня нет папы?

Но я называю отца не «баба», а «фу-цин» — термином изящной китайской литературы, как меня научил дядя.

Однажды расчувствовавшись, он стал мне дарить свою мандаринскую шапку с костяной шишечкой, обозначающей его ученую степень. Я отказался взять это смκος, но неудобное сооружение — мне оно не понравилось. Дядя отвернулся и тихо заплакал. Он слезлив.

Г л а в а III

Б А Б У Ш К А

УЧУСЬ СЧИТАТЬ. — СКАЗКА ПРО ЯГУ. — ЧТО ТАКОЕ КУЛИ. —
СТРОЮ МОСТ. — ПЕСЕНКА. — ЯЙЦА. — ЦВЕТЫ НА ЛАДОНЯХ

В серых сплывающихся сумерках детства прорывы лиц, слов, вещей и голубой Янцзы в корыте расцветших гор. Дом в Сиань-ши много меньше родового. В нем тесно и бедно. Отец в Японии. Приходится жаться. В доме одна прислуга, да и то в дни, когда мать болеет. Огорода нет, вместо него небольшой

фруктовый сад с персиками и бананами да относящийся к дому мандаринник.

Бабушка кормит меня подсолнухами, высушенными на солище. Она расколупывает зерна и семечко за семечком учит меня считать: ига, лянга, санга, сыга, уга — один, два, три, четыре, пять... — а потом рассказывает сказки:

«В старые времена жили дети, которые не слушались старших. Однажды мать их пошла пригласить в гости бабушку и сказала:

— Не выходите, дети, из дому, потому что в горах живет злая баба-яга, которая ест детей.

Мать ушла, дети терпели, терпели, не вытерпели. Был среди них один неслух и непоседа. Он решил погулять по саду и подбил на прогулку других. Увидала баба-яга детей, обернулась она бабушкой и пришла к ним в гости.

— Где мама? — спрашивает баба-яга, а дети отвечают:

— Вас звать пошла.

— Ну, значит, я с нею разошлась по дороге.

Дети бабушке обрадовались и после ужина пошли спать с нею вместе.

Разлеглись все на кроватях. Баба-яга положила к себе под одеяло самого младшенького, а когда дети стали засыпать, то под одеялом съела его.

Ест баба-яга, хрустит косточками. От хруста дети проснулись и спрашивают:

— Что ты, бабушка, кушаешь?

А баба-яга отвечает:

— Боб жую, сухой попался.

Дети встрепнулись:

Дай нам тоже.

— Ладно, одному дам, — сказала баба-яга, позвала младшенького к себе под одеяло и съела его, как и первого.

Так поела она всех детей, вплоть до старшенького. Лежит старшенький в постели, и напало на него сомнение, откуда это у бабушки так много бобов.

Как только сытая баба-яга уснула, он украл у нее боб и увидел, что это — братин палец...

Здесь был сказке конец. Рассказывая эту сказку, бабушка

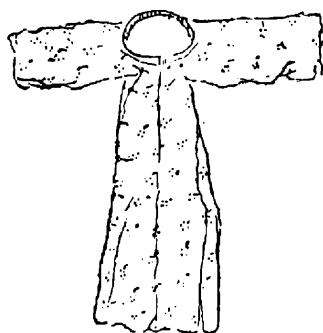
пучила глаза и делала страшные гримасы. Я очень боялся этой сказки и никуда не ходил один.

Бабушка — вторая жена моего деда, портрет которого висит на стене в литане. Она — мачеха моего отца, детей у нее нет, потому она так неотвязно нянчится со мной.

Мама работает на кухне или учит приходящих девочек грамоте. Мамой я горжусь, — грамотных женщин, да еще и учи-

Туфли.

Халатик.

тельница, во времена моего детства в Китае мало.

Бабушка шьет, а я сижу около нее на низеньком стульчике. На мне халатик и вышитые цветами туфли поверх белых носков. Босиком ходить нельзя, засмеют. Босиком ходят только кули. Ку значит тяжесть, ли — сила. Кули — это низшие люди, мазанные, грубые, ободранные, извозчики, бурлаки, носильщики, бродячие жне-

цы, словом, все, кто за медные цяни с квадратной дыркой посредине продают свои огромные, коричневые, трудом и дракой налитые клубки мускулов. Я побаиваюсь кули, но в доме у нас с ними якшаются, особенно младший дядя, живущий с нами (тоже учитель). За это он на подозрении у деревенской знати.

Зато, если нам для чего-нибудь понадобится кули, мы его находим очень легко.

Сижу около бабушки, раскладываю из обрубков и брусков дома, пагоды, мосты. Мне кажется, что я строю мост, самый мой любимый, перекинутый близ Сиань-ши, через речонку, бегущую в Янцзы. Он — каменный, в скульптурах. Двухметровые резиные драконы стерегут его. Трое ворот своими лапами вцепились в мост.

Кули.